

И. Г. Головинъ.

Императоръ Николай I по характеристикѣ его современника,
эмигранта-публициста И. Г. Головина.

(продолженіе) ¹⁾.

Первый успѣхъ сдѣлалъ Николая смѣлѣе и еще болѣе несговорчивымъ и въ послѣдующихъ, менѣе важныхъ событіяхъ онъ дѣйствовалъ уже съ большей рѣшительностью. Во время холернаго бунта онъ пріѣхалъ въ коляскѣ на Сѣнную площадь и приказалъ столпившимся мужикамъ молиться Богу. Мужики моментально поскидали шапки. Николай приказалъ имъ стать на колѣни, что они сейчасъ же исполнили. Этотъ знаменательный эпизодъ изъ жизни государя запечатлѣнъ изображеніемъ акварелью и масляными красками, но слѣдуетъ лишь напомнить, что Николай обратился къ толпѣ со словами: „Ужъ не французы ли вы?“, и что всѣ выходы на площади были заняты войсками.

Въ Новгородѣ, послѣ бунта военныхъ поселеній, онъ явился одинъ передъ возставшими поселенцами, имѣя при себѣ только шпагу, и площадной бранью привелъ ихъ къ порядку. „Ругательство то же, что масло къ кашѣ“, говоритъ русскій мужикъ, и въ этотъ день Гольштейнъ стоилъ Романа. Но наказанія, которыя послѣдовали за бунтомъ, по жестокости не уступали эксцессамъ, которымъ предавались бунтовщики. Если военно-поселенцы сдирали кожу со своихъ офицеровъ, то нѣкоторые изъ нихъ были приговорены къ полученію 12.000 палокъ ²⁾.

¹⁾ Въ книжкѣ Апрель—Май—Іюнь помѣщено начало.

²⁾ Это наказаніе иначе называлось „прогнаніемъ сквозь строй“ и заключалось въ слѣдованіи между двумя шеренгами солдатъ съ прутьями, отъ которыхъ онъ по пути и получалъ удары. Головинъ однако забываетъ, что это наказаніе, занесенное къ намъ изъ любезной Пруссіи, особенно процвѣтало при Александрѣ I, на котораго Головинъ однако не нападаетъ, что дѣлаетъ его въ извѣстной степени пристрастнымъ къ Николаю I. Историкъ Н. К. Шильдеръ характеризовалъ Александра I не даромъ тремя словами: „Александръ—это шпицрутены подъ розами“. *Б. Колюбакинъ.*

Однажды, во время смотра поднялась буря. Николай поблѣднѣлъ и вдругъ стремительно нахлобучилъ фуражку до ушей. „Съ Богомъ не станешь спорить, не свой братъ“, замѣтили солдаты ¹⁾).

Упрямство и жестокость не есть сила характера. Человѣкъ по истинѣ сильный, сознающій свою силу, неизбежно кротокъ. До вступленія на престолъ Николай уже былъ настолько слабъ, насколько и жестокъ; у солдатъ своей бригады онъ рвалъ усы и бакенбарды, а въ пріемной у Александра онъ дрожалъ, не смѣя ни войти, ни уйти, и съ братомъ Михайломъ, толкая другъ друга, Николай оспаривалъ право войти въ кабинетъ императора первымъ.

Одного солдата изъ инженерныхъ войскъ приговорили къ прогнанію сквозь строй. Николай, бывшій тогда начальникомъ инженеровъ, прибавилъ отъ себя число ударовъ, назначенныхъ солдату; его адъютантъ М... П... замѣтилъ, что не слѣдовало ничего измѣнять въ приговорѣ, такъ какъ несчастный все равно умретъ. Николай согласился съ этимъ доводомъ, но адъютантъ ²⁾ былъ пораженъ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ онъ подписалъ смертный приговоръ. Даже Неронъ плакалъ, подписывая смертный приговоръ. Недостаткомъ просвѣщенія и недостаткомъ энергіи слѣдуетъ объяснить провалъ тѣхъ хорошихъ начинаній, которыя Николай задумалъ при своемъ вступленіи на престолъ. Онъ хотѣлъ уничтожить чины, ввести гласность при разборѣ судебныхъ дѣлъ, а слово „адвокатъ“, которое нужно было ввести, уже пугало его. Скорѣе по невѣжеству, чѣмъ изъ боязни помѣщиковъ, Николай не подымаетъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Мучаясь своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ, Николай лѣзетъ изъ кожи, чтобы прослыть за русскаго, напримѣръ, онъ часто называетъ императрицу—„бабой“. Заѣхавъ какъ-то разъ съ императрицей въ казармы Преображенскаго полка, онъ сказалъ солдатамъ: „Это, кажется, впервые послѣ Елизаветы, что баба-царица посѣтила казармы“. У него претензія не только походить на Петра I, но даже превзойти его. Онъ хочетъ быть національнѣе Петра и сохранить всѣ обычаи, которые тотъ искоренялъ съ такой жестокостью.

¹⁾ Не любившій Николая I, но честный и добросовѣстный Филипсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ о военной службѣ на Кавказѣ, будучи свидѣтелемъ высадки Николая у Новороссійска въ сильнѣйшую бурю, сопровождаемую вѣтромъ бора, говоритъ о мужествѣ Николая и удивительномъ его спокойствіи.
Б. Колубакинъ.

²⁾ Не былъ ли это Мусинъ-Пушкинъ. *Б. К.*

Одному купцу онъ замѣтилъ: „я видѣлъ тебя съ бородой; зачѣмъ ты обрился? Не слѣдуетъ бросать дѣдовскихъ обычаевъ!“ Затѣмъ, по странному противорѣчію, указомъ 1837 года онъ запретилъ чиновникамъ носить бороду „по жидовской или французской модѣ“; очевидно, онъ тутъ билъ на остроуміе, но забывалъ, что если Петръ сбрилъ бороду невѣжеству, то самъ онъ сбривалъ бороду цивилизації. Зато усы были дарованы всей арміи ¹⁾. Однажды Николай вернулся изъ путешествія съ небольшими усами. Императрицѣ понравилось это новшество и она пожелала, чтобы онъ сохранилъ усы. Чтобы угодить женѣ, Николай заставилъ всю армію носить усы. „Сначала я противился“, говорилъ Михаилъ Павловичъ, „но разъ государю это угодно, то я отрощу себѣ бороду въ цѣлый аршинъ“. Онъ сдержалъ свое слово и подалъ этимъ примѣръ придворнымъ.

Что можетъ быть національнѣе прически „à la jeune France“, которую одновременно называютъ прической à la poujik? Но стоило ей быть принятой модой во Франціи, чтобы и Николай и дворъ подняли ее на смѣхъ. Встрѣтивъ на улицѣ нѣкоего Яковлева, одѣтаго и причесаннаго по парижской модѣ, государь велѣлъ ему подойти, посадилъ въ экипажъ, привезъ во дворецъ, гдѣ представилъ его императрицѣ, сказавъ: „представляю тебѣ самага элегантнаго человѣка моего государства“. „Пройдитесь, молодой человѣкъ“, приказалъ онъ Яковлеву. Достаточно насмотрѣвшись на него, Николай велѣлъ ему пойти и выбриться. Придворные еще долго рассказывали этотъ анекдотъ, приводя его какъ примѣръ остроумія государя; впрочемъ, когда они стали замѣчать, что слушатели только пожимаютъ плечами, они стали его опровергать, но было уже поздно! Чтобы подражать царю, одна аристократка призвала къ себѣ извѣстнаго въ Петербургѣ француза-куафера; его ввели въ гостиную, и хозяйка представила его своимъ гостямъ говоря: „милостивые государыни и государи, вотъ что называется прической à la poujik“. Парикмахеръ, рассказывавшій мнѣ этотъ инцидентъ, прибавилъ, что хотя его подмывало показать имъ нѣчто другое, но его остановилъ примѣръ его соотечественника въ Москвѣ, котораго жестоко высѣкли люди одного князя за то только, что онъ предсталъ безъ сюртука, когда ихъ сіятельства, князь съ супругой, случайно зашли въ его магазинъ.

¹⁾ До того времени только легкой кавалеріи было разрѣшено носить усы. И это разрѣшеніе носить усы было сочтено особой милостью.

Примѣчаніе Головина.

Николаю менѣ повезло съ графомъ Самойловымъ: ему почему-то страшно не понравился костюмъ, только-что полученный графомъ изъ Парижа, и онъ велѣлъ его воспроизвести на сценѣ Московскаго театра. Графъ пригласилъ актера къ себѣ, расхвалилъ его игру и подарилъ три брилліантовыя пуговицы, которыя дали возможность актеру купить себѣ домъ на окраинѣ Москвы.

Послѣ Петра, Николай болѣе всего хочетъ походить на Наполеона, и если это ему не удастся, то не изъ недостатка желанія. Такъ какъ въ побѣдахъ онъ не могъ подражать Наполеону, то пришлось подражать въ мелочахъ. На Кавказѣ солдатъ, не желая сдаться черкесамъ, взорвалъ крѣпость. Государь приказалъ, чтобы имя этого героя первымъ упоминалось на каждой перекличкѣ и фланговый солдатъ роты долженъ былъ отвѣтить за него: „погибъ во славу русскаго оружія“¹⁾. Не желая проводить параллели изъ-за уваженія къ памяти великаго человѣка, беремъ только одинъ примѣръ изъ жизни Наполеона. Одинъ авторъ написалъ на него ядовитый пасквиль. Наполеонъ сдѣлалъ его офицеромъ, сказавъ: „пусть ваша шпага поработаетъ за меня такъ же успѣшно, какъ ваше перо работаетъ противъ меня“.

На-ряду съ этимъ представимъ себѣ Николая, идущаго въ сумеркахъ высматривать по выставкамъ книжныхъ магазиновъ, не выставлена ли книга Александра Дюма— „Mémoires d'un maître d'armes“, и когда онъ видитъ эту книгу въ рукахъ принца Дарштатскаго, только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ, онъ говоритъ: „Прошу Васъ принять къ свѣдѣнію, что въ моемъ государствѣ нельзя читать запрещенныхъ книгъ“. Въ другой разъ, увидавъ у наслѣдника престола книгу „Слова вѣрующаго“ и узнавъ, что она куплена въ книжномъ магазинѣ Белизара, онъ приказываетъ предать его суду. Несчастный книгопродавецъ откупился цѣной золота, но лишился званія придворнаго поставщика.

¹⁾ Этотъ солдатъ—извѣстный герой Архипъ Осиповъ, Тенгинскаго полка, а укрѣпленіе—Михайловское, на берегу Чернаго моря, вблизи Туапсе. И упоминаніе имени Архипа Осипова продолжается въ Тенгинскомъ полку и по настоящее время.

Гибель этого укрѣпленія, какъ и многихъ другихъ на томъ же берегу, на такъ называемой Черноморской береговой линіи, произошла вслѣдствіе ложной идеи пользы этихъ укрѣпленій, которыя учреждались все же по требованію Николая, сознавашаго поздно ихъ бесполезность и вредъ.

Б. Колюбакинъ.

Цивилизація—смертельный врагъ Николая; свобода для него ненавистна, а потому Франція, воплощающая и то и другое, служитъ постояннымъ предметомъ его злобы. Насколько отношенія Франціи къ Россіи были дружескими во время реставраціи, настолько они сдѣлались враждебными послѣ революціи¹⁾. При воцареніи Людовика-Филиппа Николай выразилъ мнѣніе, что ему было бы пріятнѣе видѣть на тронѣ наполеоновскаго солдата. Когда извѣстіе о іюльской революціи достигло Петербурга, Николай привѣтствовалъ посланника слѣдующими словами: „Ваши Бурбоны—индюки, которыхъ слѣдуетъ въ третій разъ прогнать изъ Франціи“. Однажды, запершись съ княземъ Ливеномъ, онъ продиктовалъ приказъ о томъ, чтобы всѣ русскіе въ 24 часа покинули Парижъ и запрещеніе входа въ русскіе порты всѣмъ судамъ подъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Двѣ недѣли спустя министръ финансовъ ему доложилъ, что благодаря этому запрещенію въ торговлѣ произошла остановка. „Въ такомъ случаѣ отмѣнить запрещеніе“, съ невозмутимымъ спокойствіемъ изрекъ геній. Николай былъ всегда грубъ въ своихъ отношеніяхъ къ Людовику-Филиппу; отношенія же французскаго короля, наоборотъ, всегда отличались изысканной вѣжливостью, были предупредительны и полны вниманія. Всѣмъ извѣстенъ надменный отвѣтъ царя на сердечное письмо Людовика-Филиппа, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ восшествіи на престоль.

Въ скоромъ времени Николай отозвалъ своего посла и замѣнилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ. Говорили, что это было сдѣлано въ видахъ экономіи и что такимъ же образомъ было поступлено и съ Англійей и съ Австріей. Но Бруновъ и Медемъ были уполномоченными министрами, а Киселевъ всего только повѣреннымъ въ дѣлахъ. „Франція недостойна имѣть у себя моего посланника“. Но кто проигралъ отъ подобнаго распоряженія? Прежде всего интересы русскихъ представлены во Франціи не такъ, какъ слѣдуетъ; а затѣмъ, чѣмъ же объ-

¹⁾ Это нерасположеніе къ Франціи у Николая являлось во многомъ результатомъ также же и его исключительной любви къ нѣмцамъ, что раздѣлялось вообще императорскимъ домомъ, начиная съ Петра III. При Александрѣ I ихъ также было много, и такой русскій человѣкъ, какъ Ермоловъ, недаромъ „просился въ нѣмцы“. Но никогда еще въ нашей исторіи не было такого преобладанія нѣмцевъ, какъ при Николаѣ I, для котораго нѣмецкое имя и происхожденіе было лучшей рекомендаціей. „Онъ нѣмецъ, и мнѣ этого довольно“, написалъ Николай на одной резолюціи.

Б. Колубакинъ.

яснить такое высокомеріе? ¹⁾). Назначая Палена въ Парижъ, Николай ему сказалъ: „Я могу Васъ поддержать сто тысячною арміею, въ крайности двумя стами тысячъ штыковъ, но не болѣе“. Между тѣмъ эти двѣ цифры, сами по себѣ скромныя, не давали права на высокомеріе. Николай однажды сказалъ: „Людовикъ-Филиппъ, очевидно, не можетъ разстаться ни съ Тьеромъ, ни съ Гизо“.—„Иначе и не можетъ быть“, отвѣтилъ ему одинъ изъ его министровъ, „одинъ изъ нихъ его правая рука, а другой—лѣвая“.—„Но, судя по тому, какъ идутъ дѣла во Франціи“, сказалъ Николай, „у французскаго короля двѣ лѣвыя руки“.

Во время путешествія по Финляндіи Бенкендорфъ какъ-то сказалъ Николаю: „А вѣдь іюльская революція произошла благодаря цивилизаціи“.—„Я самъ начинаю приходить къ убѣжденію“, отвѣтилъ Николай, „что цивилизаціи нужно ставить предѣлы; человѣкъ съ образованіемъ никогда не пожелаетъ подчиниться необразованному начальнику“. И вмѣсто того, чтобы дать развитіе и образованіе высшимъ чинамъ своего государства, онъ хочетъ всѣхъ держать въ невѣжествѣ. Но Господь Богъ не допуститъ подобнаго злодѣянія!—заключаетъ Головинъ ²⁾).

Однажды, послѣ обѣда, въ Аничковскомъ дворцѣ, въ кругу своихъ приближенныхъ, Николай выразился такъ: „Свобода прекрасная вещь, но что съ ней сдѣлали по ту сторону Рейна“.

„А вы-то сами, В. В., какъ съ ней поступали?“, спрашиваетъ Головинъ.

Николай былъ готовъ на всякія жертвы, лишь бы только не имѣть никакихъ сношеній съ Франціей. Нѣсколько разъ

¹⁾ Александръ I, несмотря на связи въ Германіи и дружбу съ прусскимъ королевскимъ домомъ, все же понялъ, что съ 1815 года интересы Россіи требуютъ союзныхъ отношеній, во всякомъ уже случаѣ дружескихъ съ Франціею. Но Николай—представитель чистаго абсолютизма—приносилъ этому Ваалу все въ жертву и даже пріямые интересы управляемой имъ страны. Отсюда и ошибочная политика всего его царствованія.

Б. Коллюбакинъ.

²⁾ Здѣсь необходимо напомнить, что Головинъ писалъ въ 1845 году и слѣдовательно надѣялся, что система Николая когда-нибудь остановится, но она не останавливалась ни минуты и шла такъ до его смерти, давъ извѣстные плоды въ эту злополучную войну 1853—55 годовъ, когда мы, исключая Кавказа, все время несли одни пораженія. Можно ли было праздновать недоброй памяти Крымскую кампанію и оборону Севастополя, когда слѣдовало ограничиться въ сущности однѣми панихидами; мы не говоримъ о геройствѣ войскъ, но вѣдь героизмъ не спасло отъ пораженія. *Б. Коллюбакинъ.*

онъ хотѣлъ заставитьъ всѣхъ русскихъ выѣхать изъ Парижа. Адмиралъ Чичаговъ, получивъ приказаніе выѣхать, отвѣтилъ, что императоръ Александръ Павловичъ разрѣшилъ ему жить во Франціи. Николай вычеркнулъ его изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта, на что адмиралъ отвѣтилъ присылкой грамотъ, дающихъ ему право на полученіе 50.000 р. годового дохода. Благородный рыцарь предпочелъ бѣдность подчиненію бессмысленнымъ приказаніямъ.

Для Парижа не выдавали паспортовъ, а потому всѣ русскіе бывали тамъ контрабандой. Но такъ какъ запрещенный плодъ всегда слаще, то всѣ устремляются въ Парижъ. Сановники, посѣщающіе Парижъ, ни въ комъ случаѣ не представляются ко двору, а самые крупные сановники и вовсе объѣзжаютъ этотъ городъ погибели. Такъ напримѣръ графъ Воронцовъ, одесскій генераль-губернаторъ (Михаилъ Семеновичъ) во время своего послѣдняго путешествія во Франціи не поѣхалъ далѣе Руана, куда и выѣзжали его привѣтствовать власти и русскіе вельможи¹⁾. Затѣмъ договоръ 15-го іюля, по словамъ русскаго дипломата, заключенъ съ цѣлью дать щелчокъ французскому правительству; но выходка эта дорого стоила Россіи и не принесла ей никакихъ выгодъ. Франціи хватило такту не оскорбляться грубыми выходками своихъ друзей—недрузевъ, а Россіи такъ-таки и не удалось завязать всеобщую войну противъ Франціи. Но почему у Николая такое остервененіе противъ царствующей нынѣ во Франціи династіи? Іюльская революція, явившаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ поползновенія на конституцію, гарантированную самими союзниками, оказала огромную услугу монархизму; между тѣмъ въ іюльской революціи нужно винить только русское правительство и отнюдь не Францію. Жестокость Николая по отношенію къ полякамъ заставляетъ сердце обливаться кровью. Усмиреніе, добытое позорной цѣной преслѣдованій, не можетъ удовлетворить русскихъ. Недаромъ Пушкинъ, въ порывѣ патріотизма, сказалъ:

„Celui qui tombe dans la lutte est sacré,
Nous n'avons jamais foulé nos ennemis terrassés!“

Если Александръ могъ уважать права покоренныхъ имъ народовъ, почему же Николай этого не можетъ? Если онъ не

¹⁾ Фактъ нѣсколько странный для либеральнаго вельможи, какимъ былъ Михаилъ Семеновичъ, и вѣроятно только страхъ неудовольствія государя вынудилъ къ тому графа Воронцова, не лишеннаго честолюбія.

Б. Колубакинъ.

можетъ человѣчно царствовать въ Польшѣ, организовать свободное и просвѣщенное правительство, то пусть лучше откажется отъ Польши! *Порядокъ, царщій въ Варшавѣ, хуже всякой анархіи.* Мы уже не живемъ въ эпоху завоеваній варваровъ и „горе побѣжденнымъ“ не должно находить себѣ мѣсто!

Зачѣмъ натравливать брата на брата? Зачѣмъ съ сынами своего отечества и друзьями независимости обращаться хуже, чѣмъ съ военноплѣнными, строже, чѣмъ съ преступниками? Кремль былъ отомщенъ Прагой; если идти дальше,—дойдешь до ауто да фе. Если галльскій пѣтухъ только кричалъ, если французскій орелъ, прикрывая Польшу, все-таки немного и помялъ ее своими когтями, то развѣ не слѣдовало именно Россіи, на долю которой выпала слава ея покоренія, эту самую Польшу возстановить? ¹⁾

Недавнія преслѣдованія католиковъ и евреевъ разрушили единственную свободу, которую допускало здѣсь русское правительство, а именно свободу вѣроисповѣданія. Уніаты (католики, у которыхъ богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ) силой были присоединены къ православію. Дѣтей, рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ, теперь обязаны крестить въ православную вѣру, тогда какъ прежній законъ требовалъ, чтобы сыновей крестили по вѣрѣ отца, а дочерей—по вѣрѣ матери. Внушеніе, подкупъ, насиліе—все примѣняется, только чтобы увеличить число православныхъ. У польскихъ священниковъ не хватило энергіи, которая была у святыхъ мучениковъ. Священниковъ, которые свою вѣру ставили выше правительства, смѣнили священниками, которые были приверженцами государя. Но что заставило Николая прибѣгнуть къ такимъ жестокостямъ? Ненависть ли къ католичеству или ненависть къ Польшѣ? Считаютъ, что Николай довольно равнодушенъ къ вопросамъ религіи и во всемъ полагается на оберъ-

¹⁾ Какъ отраднo въ наше время читать взглядъ на польскій вопросъ русскаго просвѣщеннаго публициста тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, по рожденію, связямъ и образованію человѣка лучшаго русскаго общества. Какъ еще тогда—въ 40-ые годы понимался польскій вопросъ широко, мудро и благородно лучшими русскими людьми?! Этой розни нашей съ Польшей тогда, какъ и въ послѣдующее при Александрѣ II время, много способствовали нѣмцы. Германская политика сильно и тогда вмѣшивалась въ наши внутреннія и внѣшнія дѣла, направляя ихъ въ русло своихъ интересовъ. Наше отношеніе къ Франціи и Польшѣ и было такое, какое болѣе всего устраивало Германію. Прямо, кажется, невѣроятно, чтобы мы, наконецъ, теперь, уже разнавсегда, свергли это тлетворное для Россіи иго германизма.

Б. Колубакинъ.

прокурора Святѣйшаго Синода, который, въ свою очередь, во всемъ довѣряется директору департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій—*Скрипицыну* и *могилевскому губернатору Энгельгардту*, остервененіе котораго противъ католичества доходитъ до фанатизма и можетъ лишь быть приравнено къ ненависти, питаемой къ бѣлорусскимъ помѣщикамъ бывшимъ генераль-губернаторомъ княземъ Хованскимъ.

Бѣдныхъ евреевъ подвергаютъ всевозможнымъ униженіямъ. Въ Мстиславлѣ у евреевъ нашли и отобрали контрабанду; евреи предались эксцессамъ, прогнали роту инвалидовъ, ранили нѣкоторыхъ и вернули свои товары. Государь приказалъ забрать въ солдаты черезъ каждыя десятиаго человѣка. Евреи заволновались, прибѣгли къ интригамъ, не пожалѣли большихъ денегъ, благодаря чему власти старались уменьшить вину и спасти виновныхъ. Чтобы разъ навсегда покончить съ контрабандой, Николай приказалъ все снести на разстояніи 50 верстъ отъ границы, обративъ всю мѣстность въ пустыню, и бѣдные евреи лишились своего Эльдорадо. Не довольствуясь этой жестокой мѣрой, онъ къ жестокости прибавилъ еще и глумленіе, приказавъ евреямъ носить русскую одежду. Возможно ли перечислить всѣ жестокости, которымъ подвергалась въ это злополучное время масса невинныхъ? Возможно ли перечислить всѣ акты жестокости Николая?

Нѣкто Н..., въ частномъ письмѣ ¹⁾, посланномъ по почтѣ, рассказывалъ объ убійствѣ купца, совершенномъ будочникомъ и о которомъ всѣ открыто говорили въ Петербургѣ. Вдругъ ночью, къ спавшему рядомъ со своей беременной женой Н..... врывается полиція и арестуютъ его; жена злополучнаго Н..... отъ страха преждевременно родить, а онъ три года проводитъ въ ссылкѣ.

Крупный богачъ Яковлевъ проигрываетъ въ Англійскомъ клубѣ сто тысячъ. Отдается распоряженіе объ отправленіи его въ ссылку въ Вятку и приказаніе только потому не приводится въ исполненіе, что отецъ его жертвуетъ другую сотню тысячъ на богоугодныя заведенія, во главѣ которыхъ, по странной

¹⁾ Очевидно, Головинъ, не желая подводить подъ удары правительства упоминаемыхъ лицъ, не называетъ ихъ, а ставитъ только буквы. Нѣкоторыя фамиліи намъ удалось опредѣлить. Осторожность Головина, писавшаго въ 1843 и 45 годахъ, понятна при подозрительности и произволѣ, царившихъ въ эти годы при Николаѣ I, годы наиболѣе тяжкіе его царствованія, хотя апогея реакція достигла послѣ 1848 года, когда прошли революціонно-освободительныя теченія по всей Средней Европѣ.

Б. Колубакинъ.

игрѣ судьбы, состоялъ одновременно начальникъ тайной полиціи, вреднѣйшимъ изъ учрежденій, подобнаго которому едва-ли нашлось бы мѣсто въ Китаѣ или Японіи.

Кологривовъ недостойнымъ обманнымъ образомъ былъ вызванъ изъ Парижа, разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ за то, что принималъ участіе въ іюльской революціи. „Ты любишь военное дѣло, такъ послужи-ка мнѣ на Кавказѣ“, сказалъ ему Николай. Раньше чѣмъ вызвать его изъ Парижа, мать его заранѣе испрашивала ему помилованіе, но государь отвѣтилъ, что требуетъ выполненія лишь одного условія—поступленія на службу, которой оказалась служба.... солдата.

Господина Д.... постигла та же участь потому только, что онъ поступилъ въ Алжирскій военный легіонъ, къ чему его вынудило безденежье.

Одинъ шпіонъ высокой марки, разговорившись съ господиномъ Б...., курляндскимъ барономъ, который въ Парижѣ посѣщалъ политическія собранія, донесъ на него русскимъ властямъ, которыя и выслали его во Владиміръ.

Собщ. **Б. Колюбакинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).